

Россия и Венгрия: еврокризис и его уроки

Евразийство и евроскептицизм, обозначенные в качестве центральной темы этого коллективного труда, призваны выявить степень и практическое значение разочарования стран-членов Евросоюза в европейском пути развития, определить возможность поворота этих государств в направлении евразийской ориентации. Для России как великой евроазиатской державы учет евразийской идеи и выбора соответствующего пути развития является естественным и жизненно важным. Это неоспоримо особенно в нынешних геополитических условиях, когда углубившийся кризис Европейского союза заставляет сомневаться в степени еврооптимизма даже западных членов этого сообщества, не говоря уже о некотором страхе перед его развалом среди восточноевропейцев.

Следует, однако, отметить, что в современных официальных представлениях стран-членов ЕС, включая бывший социалистический регион Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), евразийство как политический проект не присутствует. (Впрочем, эту группу государств по американской аналогии в российской литературе почему-то упорно продолжают именовать «Восточной Европой», не задумываясь над тем, что к востоку от нее до Азии еще далеко, и что тем самым вольно или невольно страны реальной восточной Европы причисляются к последней вместе с европейской частью России.) Иными словами, несмотря на кризис Евросоюза, в странах ЦЮВЕ пока не зафиксирован отказ государств от участия в этом, до сих пор наиболее успешном, европроекте. Они долго добивались вступления в ЕС, а став его членами, на собственном опыте испытали все его плюсы и минусы, положительные и отрицательные стороны. Но появились пожелания кое-что

изменить в устройстве этого объединения. Сегодня есть возможность определиться, стоит ли оставаться еврооптимистами или стать евроскептиками, а может, задуматься над возможностью оставить пределы этого союза (устав ЕС допускает свободный, хотя и непростой выход из него).

Следует, однако, учитывать, что нынешний кризис ЕС, по сути, прежде всего интеграционный и организационный, а потенциал союза огромен. Пребывание этих стран в Евросоюзе уже позволило им накопить не только определенный опыт, но получить некоторые блага и преимущества в сочетании с разочарованиями, проявлениями прямого или скрытого недовольства со сложившейся в сообществе ситуацией. У некоторых стран, в частности Венгрии, появилось желание добиваться большей свободы и возможностей для развития интенсивных торгово-экономических отношений и культурного сотрудничества с Россией даже в ее азиатской глубинке, на что правящий аппарат руководства ЕС долгое время накладывал существенные ограничения.

Для бывших европейских стран социализма, получивших полноту национальной независимости после развала СССР и выхода из далеко не добровольного союза в СЭВ и ОВД, понятия «Европа», «Европейское Сообщество», «Евросоюз» и «НАТО» тогда означали многое. Сами названия, а тем более представления об их содержании и мощи были для них однозначно привлекательны. Нельзя отрицать, что в ЕС мечтали вступить практически все страны этой «Восточной Европы». В своем новом политическом и экономическом статусе они рассчитывали на помощь и поддержку ЕС, желали скорейшего приобщения к европейскому уровню жизни, мечтали о европейском благополучии. Все это продолжалось вплоть до наступления нынешнего интеграционного кризиса, особо обострившегося в 2017 г.

Сегодня под общепринятым понятием «Европа» принято подразумевать не только политическую демократию, многопартийность и западную модель потребления (соединение этих понятий почти все современные идеологические направления считают аксиомой)¹, но и проблемы,

вытекающие из непродуманно стремительного расширения ЕС на Восток в увязке с НАТО.

Европа, европейская культура и технологии не только ныне, но и в прошлом олицетворяли собой прогресс, который постепенно распространялся по миру. Если обратиться к символическому определению Европы, сформулированному венгерским писателем Ласло Неметом после Первой мировой войны, то европейская культура и технологии «сумели покрыть весь земной шар, и хотя на пути их распространения встречались более древние культуры, они оказались неспособны противостоять европейской... Многонациональная европейская культура в лице наций имеет свои скрытые резервы для обновления. За свою многовековую историю Европа всегда находилась в движении, менялась... Осуществляя экономическую экспансию, она загнала себя до смерти, но ее национальные культуры хранят еще немало неизрасходованной энергии, и отдышавшись, Европа может возродиться... Распростертая, опустошенная и беспомощная в переживаемом кризисе Европа — только видимость»². Наверное, и сегодня, когда рассуждений о слабости и «закате Европы» немало, когда она действительно переживает нелегкие времена, при всей неоднозначности ситуации и скептицизме в связи с нынешним кризисом ЕС мы не можем сбрасывать со счетов возможность его реформирования, модернизации и обновления. Другой вопрос, что экспансия «Европы» как таковой за пределы континента, действительно, закончилась, а ее место с конца Второй мировой войны заняли США, контролирующие ныне саму Европу, вставшую на путь объединения европейских государств.

Есть ли будущее у крупнейшего европейского объединения государств, покажут ближайшие годы. Станет ли евразийская идея альтернативой для тех членов Евросоюза, кого в политической литературе продолжают называть «Восточной Европой», либо они вместе с западными союзниками возьмутся за его обновление и переустройство с учетом своих интересов? Разумеется, для этого должны быть выявлены и устранены причины и преграды, при-

ведшие ЕС к нынешнему кризису. Но даже при скептическом подходе к будущему Евросоюза следует считаться с его достижениями, необходимо и далее сохранять и беречь те его гуманистические ценности, которые были обозначены в *Приложении* к договорам со странами, вступавшими в ЕС. Это общеизвестные европейские ценности (достоинство и свобода, демократия и равноправие, верховенство закона и уважение прав человека и меньшинств, плюрализм и отсутствие дискриминации, терпимость и солидарность, равноправие мужчин и женщин, право на справедливый и независимый суд) зафиксированы также в *Хартии основных прав*.

Хотя идея евразийства и не обозначена сегодня в политических программах стран ЕС, «восточноевропейским» членам этого союза далеко не безразлично развитие всесторонних связей и контактов, особенно торгово-экономических отношений, с евразийской Россией. Другой вопрос, что страны этой самой «Восточной Европы» при приеме в ЕС были ориентированы именно на внутрисоюзное экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а связи за его пределами искусственно ограничивались.

По данным венгерских исследователей, изучавших структурную политику ЕС второй половины 1990-х годов, в товарообмене на внутренний рынок союза больше остальных была ориентирована Польша. Венгрия, имея тогда еще интенсивные торгово-экономические связи с Россией, принадлежала к числу стран со «средней ориентацией», тогда как Чехословакия меньше их была заинтересована в торговле с ЕС³.

Торговые отношения с Россией у принятых в ЕС «восточноевропейских» стран постепенно сокращались в связи с их переориентацией на внутрисоюзный рынок. Россия же, как известно, обратила свои взоры на стремительно развивающийся азиатский регион. Ее приоритетными партнерами стали Китай и Индия, а также Бразилия, Сирия, Турция и, конечно, Казахстан. Президент Казахстана Н. Назарбаев, будучи инициатором евразийского сотрудничества и союзов, поддержал стремление России развивать

именно это направление. Он, в частности, подчеркивал: «Евразийское экономическое сообщество — это идеальная возможность смягчить тяготы глобализации для наших государств. Вместе мы как-то можем сопротивляться»⁴. Китай, как известно, весьма высокими темпами наращивал свой экономический потенциал, привлекал западные инвестиции и стал локомотивом развития региона, его ежегодный экономический рост за последнее десятилетие измерялся двузначными цифрами. Индия также числится среди восходящих мировых экономик. Правда, в этом направлении сотрудничество имеет свои проблемы. По данным Евразийского банка развития, рост ВВП Китая в первом квартале 2016 г. составлял только 6,6%, что на фоне достижений стран Евросоюза (0,4%) может считаться существенным показателем (правда, на текущий год прогнозы роста ЕС еще 1,6%). У других государств БРИКС зафиксирован экономический спад. Для России по тому же источнику, за этот период показатель роста ВВП отрицательный (–0,6%). Бразилия же отличилась нулевым ростом экономики и массовой безработицей. На этом фоне разве что Турция обещает стать более надежным партнером с показателем роста ВВП 4,0%⁵.

Так называемые восточноевропейские государства Евросоюза, в том числе Венгрия, свой выбор между европейской и евразийской ориентацией сделали во время вхождения в ЕС и НАТО. Их дальнейшая ориентация, на наш взгляд, во многом будет зависеть, прежде всего, от уровня экономической и технологической развитости соответствующих европейских или евразийских структур, от возможности получения инвестиций и новейших технологий, без которых экономический рост в современном мире невозможен. Страны восточной группы ЕС, естественно, заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Россией. Заинтересована в этом и Россия. Будучи великой евразийской державой, она строит свободный рынок и демократию с учетом особенностей страны. Как отметил президент В.В. Путин на большой итоговой пресс-конференции 2016 г., Россия желает, чтобы в лице Европы «у нас

был надежный, сильный и самостоятельный партнер». При этом он добавил, что если «в решении вопросов между Европой и Россией нужно обращаться в третью страну (подразумевая под ней США. — *Б. Ж.*), то тогда с самой Европой неинтересно разговаривать»⁶.

Такое состояние дел свидетельствует о целесообразности перемен и реформативности ЕС. При этом, как неоднократно подчеркивал глава МИД РФ Сергей Лавров, Россия «никогда не была заинтересована в распаде ЕС». Не следует забывать, как на то справедливо указывают многие российские журналисты, что Россия не только азиатская держава, она также живет и мыслит по-европейски, а если говорить о массовой культуре, то и по-американски. И хотя у нее «немало и азиатского, особенно в сфере гражданского общества, которое находится еще в детском возрасте»⁷, Россия готова развивать отношения с объединенной Европой.

Что касается Венгрии, то нелишне напомнить, что когда страны социализма только освободились от советской зависимости и мечтали о «единой Европе без границ», она старалась сохранить свои налаженные экономические и культурные связи с евразийской Россией, которая тогда только обретала облик своей независимости. Венгрия — одна из первых — установила с Москвой дипломатические отношения нового типа. Будапешт развивал тесные контакты с азиатской российской глубинкой, и такое сотрудничество казалось долговременным и перспективным. Но в процесс вмешались идеологические факторы. Государственная Дума РФ тянула с ратификацией российско-венгерского межгосударственного договора из-за упоминания в преамбуле документа о венгерской революции 1956 г.⁸ и утвердила его только спустя пять лет.

Сотрудничество Венгрии с Россией продолжалось, но геополитические факторы меняли облик Европы. Бывшие социалистические страны, освободившись от советской «опеки», устремили свои взоры на преуспевающие европейские структуры. Политический класс Венгрии, как и других государств региона, избрал путь на сближение со

странами Западной Европы. Венгрия вместе с ними устремилась в НАТО и Евросоюз, которые со второй половины XX века были неотделимы от «опеки» США. Европа и ее структуры вместе с Соединенными Штатами олицетворяли собой единый «Запад». И это притом, что в отношении Запада, западной политической элиты, ее поведения и решений у венгерского народа сохранились далеко не самые благоприятные впечатления и исторические воспоминания. Как справедливо отмечают отдельные исследователи, «Запад в XX веке дважды принес в жертву Венгрии»⁹, предал ее. Здесь достаточно напомнить о международных решениях, принятых великими западными державами в Трианонском дворце Версаля в 1920 г. и о парижских вердиктах 1947 г., которые оставили за пределами новых границ Венгрии 3,5 млн этнических венгров, проживающих в основном компактной массой вдоль этих границ, но насильно отделенных ими от материнской нации. Стоит упомянуть и о поведении западных стран, побоявшихся заступиться за борющихся венгров в 1956 г. Все эти обстоятельства стали достаточными основаниями для скептицизма со стороны венгров.

Первоначальный идеал — «единая Европа без границ» — с конца 80-х годов XX в. был предан забвению. Характеризуя изменившуюся ситуацию, венгерский политолог, вице-президент Венгерской академии наук Ференц Патаки еще в 1995 г. с явным европессимизмом отмечал: «Быстро рухнули надежды на актуальность и дееспособность идеи „Европа — наша цитадель“... но новый план Маршалла не появился, его нам долго не давали, не хлынул и поток западных кредитов и займов. Помощь не пришла, пришел только бизнес. И начался долгий марш по пути к институтам европейской интеграции и к НАТО. Но этот путь стал более долгим и сложным, чем мы надеялись»¹⁰. Правда, в итоге Венгрия, как и другие страны «Восточной Европы», все же стали членами Европейского союза.

С расширением ЕС и НАТО Европа постепенно стала терять облик Европы наций и приобретать черты союза,

которому, в соответствии с либеральной идеологией, предстояло пройти через стирание национальных различий. Такой подход, стремление правящей брюссельской бюрократии к строгой централизации управления союзом, к созданию европейского супергосударства и ограничению внешних связей за его пределами не удовлетворяли представителей ряда стран в ЕС, в том числе Венгрии, пытавшейся сохранить сотрудничество с Россией и защитить свои национальные интересы. Бюрократические ограничения становились одной из причин нарастания евроскептицизма в венгерском обществе.

Весной 2005 г., в связи с дальнейшим расширением ЕС и проектом европейской конституции, свое неприятие всевластия брюссельского чиновничества первым из политических деятелей «восточноевропейской» части Евросоюза четко выразил президент Чехии Вацлав Клаус.¹¹ Во вводной статье к русскому изданию этого документа, опубликованной под заголовком «Почему я не „европеист“», он назвал утопией сам «европеизм», претендующий на роль «новой альтернативы, современной либеральной или постлиберальной идеологии». Политик выразил сомнение, что значительное число его сограждан готовы «без колебания соглашаться с утратой государственного суверенитета и добровольной передачей значительной части полномочий национального государства отдаленному наднациональному центру, возможности контроля за действиями которого с их стороны ограничены»¹². При этом он с полным основанием взял под защиту понятие «национальное», реабилитируя его от предвзятости, преднамеренных искажений и наслоений, и тем самым выразил необходимость отстаивания национальных интересов в рамках Евросоюза. Вслед за чешским философом В. Белоградским евроскептик В. Клаус утверждал, что на самом деле «европейские тоталитарные режимы были продуктом не ослепленных ненавистью националистов, как лгут нам идеологи европейского федеративного супергосударства, а следствием *надменности и экспансионизма крупных европейских наций* (курсив мой. — Б. Ж.)». Клаус далеко не

без основания обратил внимание на то, что всё это повторилось после Второй мировой войны, но европейская элита ничему не научилась. Президент Чехии подчеркивал, что интерпретация войны «исключительно как следствия национализма, не только не точна, но и не может использоваться в качестве основания для строительства будущего европейского порядка»¹³. Речь идет о ложном и неприемлемом толковании национального, впрочем, как и о демократии в странах региона, к которой народы устремились сами.

Здесь целесообразно отметить, что эти предостережения В. Клауса имели основания еще при вступлении стран в ЕС. Политики тогда опасались поднимать вопрос как о национальных правах, так и о национальных интересах. Впрочем, их мнения и не спрашивали. Им, по словам Клауса, лишь «предлагали принять стандартизированный проект ценностей, заодно с инстанцией, которая вправе их контролировать»¹⁴. И здесь уместно обратиться к опыту венгерских политиков.

Известный венгерский политический деятель Имре Пожгаи впоследствии отмечал: «Особым испытанием стало принятие принципиального решения о присоединении к европейским институтам. Либеральные сторонники так называемой евроатлантической ориентации предполагали, что акцент на национальные интересы и национальную общность с четкой идентичностью может стать препятствием на пути евроинтеграции». Пожгаи коснулся и позиций важнейших политических сил демократизирующейся Венгрии. По его словам, «Союз свободных демократов (либералы) недооценивал национальный элемент, а Венгерский демократический форум (народно-национальное объединение) во главе с Йожефом Анталлом воспринимал необходимые действия, относящиеся к нации, как анахронизм»¹⁵.

Следует отметить также, что хотя все представленные в парламенте венгерские политические партии выразили приверженность вступлению страны в ЕС, консервативные силы (в отличие от политиков правящего

социал-либерального толка) как тогда, так и ныне, более критически относятся к этой европейской структуре, представляя в ней сторонников мягкого или умеренного евроскептицизма.

Венгерские политики левого политического крыла, осуществлявшие вступление страны в Евросоюз, также опасались в полный голос заявить о национальных интересах Венгрии, считая, что тем самым могут помешать получению полноправного членства в этом объединении. После принятия в Евросоюз странам также не представлялась реальная возможность полноценно разобраться с этим вопросом и защитить свои национальные интересы, хотя о них уже и ранее велись непродуктивные дискуссии.

Тем не менее, членство в ЕС долгие годы считалось благом, к нему стремились все страны Европы, ради чего и стояли в многолетних очередях на вступление. При этом принимающая сторона сама, по своему усмотрению, устанавливала для них правила и критерии приема.

Венгрия еще в конце 1991 г., т.е. до Маастрихта, по инициативе премьер-министра страны Й. Анталла подала заявку на ассоциированное членство в ЕС. Полноправное членство тогда считалось достижимым к середине 1990-х гг., но вскоре выяснилось, что это произойдет не ранее 2004 г. Конечный срок получения этого статуса (при выполнении страной всех условий «бракосочетания» под строгим контролем центра) был установлен в июне 2001 г. на саммите в Гетеборге. В организационной структуре ЕС Венгрия официально присутствует с 1 мая 2004 г. Произошло это после проведения референдума в апреле 2003 г., где за вступление проголосовало 83,78% участвовавших в нем 3,6 млн венгерских граждан¹⁶. Они стали гражданами и ЕС, где сложная многоступенчатая система регулирует внутрисоюзные отношения. Венгры получили право на свободное передвижение по ЕС, на переселение в любые страны и регионы, на участие в голосовании и парламентских выборах союза.

В принятом парламентом *«Политическом заявлении»* накануне вступления Венгрии в ЕС, отмечалось, что

«членство в этой организации предоставляет всем венграм исключительный шанс для приобщения к союзу наиболее успешных стран, к свободе и демократии, к росту благосостояния». Говорилось там о целях и задачах ЕС, среди которых — обеспечение экономического роста, поднятие уровня развития отсталых регионов, увеличение занятости, борьба с бедностью и т.п., что имело немалое значение в тех условиях и соответствовало национальным интересам государств¹⁷. Другой вопрос, в какой степени эти ожидания реализовались.

По предварительным расчетам Еврокомиссии по финансированию от января 2002 г., на весь процесс расширения ЕС планировали тратить ежегодно по 13–14 млрд евро¹⁸. Эти средства при распределении по странам оказались явно недостаточными для экономического и социального оздоровления. «Когда регион вступал в НАТО, в Европарламенте (Страсбург) подсчитали, во сколько обойдется Европе интеграция этих стран в ЕС, — отмечал в одном из своих выступлений И. Пожгаи. — По подсчетам, речь шла о сумме в диапазоне от 80 до 160 млрд евро. Сколько на самом деле было потрачено, сколько требовалось вложений, нам не известно»¹⁹. Следует, однако, признать, что для новых стран-членов и эти средства были довольно существенны, тем более, что преимущества от членства этим не ограничивались. Конечно, наряду с позитивом с самого начала присутствовали и отдельные не вполне отвечающие их ожиданиям условия, но их молчаливо принимали и выполняли, подчинившись весьма жестким требованиям приема. В выработке этих условий и критериев новобранцы участия, конечно, не принимали. Вынужденные чем-то жертвовать, они подчинились предписаниям и требованиям евробюрократии, а взамен получали определенные материальные блага и защиту от возможных внешних угроз. Поначалу, став членами союза, эти страны были полны еврооптимизма, который со временем пошел на убыль.

Характерно, что Венгрия еще до вступления в ЕС, подержав евроинтеграцию, поставила вопрос о возможной

альтернативе самостоятельного союза для стран Центральной Европы. Тогда возможность такой европейской региональной интеграции (при поддержке западноевропейской) казалась реальной. Однако тут же появились опасения, что такой незащищенный региональный союз может потянуть за собой весь регион назад — в ту ситуацию, из которой он лишь недавно вырвался. Венгерский министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Петер Сийярто, сославшись на исторический опыт, в этой связи далеко не без основания подчеркивал, что «в конфликте между Западом и Востоком, между США и СССР, трансатлантическим сообществом и Россией Центральная Европа всегда оказывается в проигрыше, независимо от того, какой век на дворе и к какому блоку мы относимся»²⁰.

С вхождением же стран региона в ЕС, уже многое (если не все) зависело исключительно от Брюсселя и его западного патрона. Впрочем, часть венгерской политической элиты (среди ее представителей тот же И. Пожгаи) при вступлении Венгрии в ЕС считала, что объединенную Европу следовало бы создавать на принципах сохранения идентичности наций. Политики исходили из того, что сложная «иерархичная система во главе с европейской олигархией» не может стать основой для прочной европейской интеграции²¹. Иными словами, подобно В. Клаусу в Чехии, они отвергали как наднациональные идеи и союзы, так и устремления брюссельских чиновников, возводивших здание Евросоюза именно в качестве наднациональной бюрократической структуры. С их мнением, однако, не считались. К тому же, Венгрия отдала Евросоюзу явно больше суверенитета и полномочий, чем того хотела бы. В результате возникла такая структурная надстройка, в которой накопившиеся внутренние проблемы и противоречия привели к росту евроскептицизма и нынешнему еврокризису.

Среди прочих важных причин накопления внутрисоюзного недовольства и появления разного уровня «евроскептицизмов», на наш взгляд, стал целый букет аргументов и факторов, обозначить которые в рамках статьи

не представляется возможным. Часть из них для Венгрии имели особое значение и нашли отражение в литературе.

К их числу принадлежат, прежде всего, издержки и недочеты в сфере *экономики и экономической политики* руководства ЕС.

Принимая условия евроинтеграции, Венгрия ожидала от ЕС, на наш взгляд, не только начальной финансово-экономической помощи и доступа венгерских товаров на внутрисоюзный рынок, но и рассчитывала на рост иностранных инвестиций. Вместо этого пришлось смириться не только с не вполне удачной перестройкой экономической структуры, но и с непониманием брюссельского чиновничества, навязавшего странам региона свою систему своеобразной специализации на производство тех или иных товаров. В результате особенно пострадало прежде высокоразвитое венгерское сельское хозяйство. Аграрный сектор играл весомую роль в создании ВВП и в сфере внешней торговли. Сельхозпроизводством в стране в 1990-е годы было охвачено 60% земельных угодий. До вхождения Венгрии в ЕС этот показатель для стран союза (за исключением Дании с 62%) составлял 30–40%²². При вступлении в ЕС Венгрия в связи с перестройкой экономики, переориентацией и специализацией стран-участниц, недостаточным учетом уровня ее развитости была вынуждена отказаться от налаженного механизма высокоиндустриального сельского хозяйства, как и от производства автобусов. Чтобы стать «еврокомфортной», она была вынуждена приватизировать или свернуть эти производства. И это вопреки тому, что венгерское сельское хозяйство, не получая поддержки, равной западным госдотациям (50%), ежегодно пополняло внешнеторговый баланс страны до 3 млрд долларов²³.

Вместо ожидаемого притока иностранного капитала в экономику страны произошел захват венгерского рынка иностранцами, которые постепенно вытесняли из внутреннего оборота традиционно качественные венгерские товары как сельскохозяйственного, так и промышленного характера. В условиях глобализации и свободной тор-

говли крупные транснациональные компании наводнили венгерский рынок дешевыми стандартными товарами, рассчитанными на массового потребителя. Конкурировать с массовым притоком ширпотреба привычные качественные отечественные товары не могли. Постепенно свертывалось отечественное производство, технологическое оборудование которого оставалось на прежнем уровне и ожидание его стремительной модернизации откладывалось. В конечном счете, с прилавков стали исчезать даже привычные венгерские продукты питания. Все это вызывало огорчение, способствовало росту недовольства населения, появлению евроскептицизма, приводило к тому, что Венгрия предпочла сохранить право на собственную национальную валюту и не перешла на евро.

Подобные обстоятельства дают о себе знать и в сфере *национальной культуры*, которая нередко подвергается агрессивному воздействию со стороны либерально-космополитической морали и наднациональной политики, утвердившихся в США и Европе. В результате инокультурного вторжения в стране получила распространение растиражированная через различные каналы средств массовой информации низкопробная «американизированная» массовая культура. В таких условиях страдают национальная культура и традиционная христианская мораль. В этой связи нелишне напомнить, что из-за ложно истолкованной политкорректности даже из основного закона ЕС было изъято упоминание о христианской религии Европы.

Отмеченные явления не могли не вызвать неприятие и растущее недовольство со стороны венгерской интеллигенции, которая в сложившихся условиях начала утрачивать свою изначальную функции и роль в меняющемся мире.

Переход к свободному рынку и внедрение массовой культуры меняют не только экономику и общество, способствуют деградации и даже исчезновению традиционно значительных слоев национальной интеллигенции, особенно технической (заводской, аграрной и пр.), как,

впрочем, и состоявшей ранее на госслужбе. Все меньше остается тех, кто в принципе способен поддерживать прежний образ жизни. «Круг действительно выигравших от перемен довольно ограничен, он едва выходит за рамки венгерской политической элиты и успешных предпринимателей», — писал в этой связи один из исследователей, анализируя деятельность венгерских правительств новой эпохи²⁴.

Часть венгерской политической элиты весьма озабочена состоянием и восприятием в Евросоюзе самого понятия «национальное». ЕС, хотя и объединяет именно национальные государства, фактически мало внимания уделяет национальному фактору в своей реальной политике, увлекаясь наднациональными устремлениями, что, в свою очередь, также усиливает евроскептицизм.

И. Шебештен, известный общественный деятель Венгрии, в этой связи далеко не без основания отмечал, что если в прошлом официальная стратегия эпохи социализма «сознательно уничтожала национальное сознание венгров», то ныне, после смены строя, «на нас хлынула голливудская и прочая космополитическая культурная грязь, полились потоки массовых манипулятивных рекламных компаний». Он подчеркивает, что под лозунгом открытого общества нам «навязывают свой образ жизни и, опираясь на примитивные инстинкты»²⁵, по сути, «пропагандируют бездумное поведение и потребление».

Былой еврооптимизм до вступления Венгрии в ЕС обосновывался надеждой на то, что национальный вопрос для расколотой на части венгерской нации в рамках союза может быстро решиться. Венгры полагали, что в рамках свободной федерации европейских государств общение с соплеменниками, живущими в сопредельных странах, станет проще, произойдет не только их свободное общение, но станут возможными всесторонние контакты и сотрудничество, начнется совместное культурное развитие, воссоединение без границ. Но эти ожидания оправдались лишь частично, реализуются медленно. Более того, в отдельных странах ЕС даже в новых условиях венгерскому

меньшинству приходилось бороться за свои языковые права, которые даже на законодательном уровне ущемлялись. Парадоксально, но оказалось, что утверждавшаяся либерально-демократическая среда не в состоянии обеспечить меньшинству равные права во всех странах-членах союза, добиться объективного понимания проблемы и даже толкования *национального*.

Такое положение дел, безусловно, способствовало усилению евроскептицизма. Ведь национализм политических лидеров правящих наций, недостаточное понимание партнерами важности решения проблем меньшинства действуют именно в таком направлении. Правда, как уже отмечалось, и само руководство Евросоюза, опираясь на либеральные ценности и ложное толкование приоритета наднационального над национальным, нередко прибегает к крайностям противоположного порядка, что тоже вызывает недовольство и нарушает равновесие сил в союзе. Ведь отношение к национальному — обстоятельство весьма чувствительное для всего центрального и юго-восточного региона Европы, особенно для Венгрии, испытавшей национальное унижение вследствие решений по итогам двух мировых войн. Страна переживает «фантомную боль», от которой трудно избавиться. Проблема с венгерским национальным меньшинством, как известно, практически не решалась ни в условиях социализма, ни современного неолиберализма, который определил нынешний характер ЕС.

Национальный компонент в регионе, да и в Европе в целом, сегодня переживает ренессанс и поэтому важно, чтобы в союзнических интересах это осознали в Брюсселе, считались с ним в интересах народов и стран ЕС. Национальное не должно отождествляться с националистическим. Необходимо, чтобы под национальным подразумевалась не только чисто этническая принадлежность, и чтобы это понятие наполнялось государственно-гражданским смыслом. Иначе евроскептицизм будет усиливаться. Для Венгрии, на наш взгляд, наиболее подходящим решением, способным нейтрализовать растущий евроскептицизм,

явилась бы реорганизация структуры ЕС по примеру швейцарских кантонов. И это важно не только для Венгрии, заинтересованной в защите интересов венгерских меньшинств за рубежом, но и для других стран-членов союза, в том числе западных, где на последних парламентских выборах уже проявила себя «волна консерватизма» и национального прагматизма.

Среди прочих факторов, усиливающих евроскептицизм малочисленных народов, числятся глобализация, свободный рынок и политика «открытых дверей». Один из венгерских авторов, отмечая «громадную притягательную силу общеевропейского рынка и возможность работать в более развитых странах Европы», одновременно предупреждал об опасностях, которым могут подвергаться венгры, выезжающие из страны на заработки. Это «обслуживание элитных народов Европы», потеря своей идентичности, лишение национального самосознания, ассимиляция и маргинализация. Он вполне обоснованно пишет, что отток из страны рабочей силы чреват негативными последствиями для венгерской экономики, где рабочие места в лучшем случае заполняют мигранты. Свои пессимистические мысли автор завершил призывом изменить ситуацию и ради этого предложил наладить связи со скептиками парламентских групп других стран и совместно с ними создать Комитет евроскептиков²⁶.

Наряду с доморощенным евроскептицизмом Евросоюз по-прежнему обладает определенной «европривлекательностью» не только для стран Европы. Последнее подтверждается известными событиями 2015–2016 гг., когда на страны ЕС хлынула волна нового массового перемещения народов, преимущественно из исламского мира Ближнего Востока. Это *нашествие* потрясло Европу, как и «великое переселение народов» в далеком историческом прошлом. Новая волна вызвана как военными событиями в упомянутом регионе, так и проводимой ЕС политикой «открытых дверей», связанной с процессами охватившей мир глобализации. Эти процессы, конечно, приветствуются далеко не всеми европейцами и вызывают обоснованную

обеспокоенность за собственное национальное существование (особенно у малочисленных народов Европы). Лавинообразный и бесконтрольный массовый приток мигрантов из исламского мира последних лет не только потряс устои ЕС, но и нарушил видимость складывающегося единства в Европейском союзе. Он выявил неспособность руководства ЕС обеспечить эффективную защиту от грозящего радикального исламского терроризма, с которым на сей раз пришлось столкнуться уже не только Франции и Германии. Опыт этих стран показал, что на Европу хлынула волна далеко не только массы беженцев, пострадавших и спасающихся от войн. Вместе с ними в Европу проникло немало еще не выявленных и агрессивно настроенных радикальных исламистов, которые пытаются утвердить свои правила и порядки, требовать принятого в ЕС уровня социального обеспечения. Опыт их пребывания в ряде стран Европы подтверждает небывалый рост насилия и терроризма, уже не говоря об угрозе, которая может иметь место в случае их массового поселения среди малочисленных народов, что может привести к изменению не только национально-этнического, но и религиозного облика стран. Иными словами, нелегальная иммиграция вызывает ряд вопросов и проблем далеко не только финансового характера. Подконтрольная миграция, конечно, имела место и прежде, но с 2014 г. небывалые потоки нелегалов набрали угрожающие для Европы масштабы.

Венгрия, как известно, со времен первого венгерского короля Иштвана I (Св. Стефана I) всегда благосклонно относилась к приему иноземцев. История зафиксировала ряд случаев, когда венгры принимали, устраивали и поселяли у себя массы беженцев (давали убежище южным славянам, спасавшимся от оттоманского нашествия, предоставляли им земли для поселения, спасали евреев и поляков в годы последней мировой войны и т.д.). В новейшие времена Венгрия, как отмечают отдельные авторы, представляет собой «самую восточную территорию европейского государственного союза», которая с 1990-х годов стала как «перевалочной базой, так и целевой страной»

для миграции²⁷. Венгрия ныне столкнулась с непростыми условиями приема и размещения «гостей» из неевропейских государств. При этом она, как показала практика, не удостоилась должного понимания со стороны руководства ЕС, а это усиливает скептицизм в отношении союза.

До нынешней массовой стихийной миграции с Ближнего Востока Венгрия пропустила через свою территорию свыше 1,5 млн беженцев, устремившихся преимущественно в более развитые регионы Европы. В 2013 г. она приняла и разместила у себя 5%, а в 2015 г. — уже 13% из общего числа мигрантов, прибывших на территорию ЕС. Будучи первой страной Евросоюза на пути продвижения миграционных потоков, Венгрия по существовавшим правилам была обязана принимать, регистрировать и размещать беженцев. С нарастанием нелегальной миграционной волны из стран Ближнего Востока, контролировать процесс и регистрировать мигрантов стало невозможным. В тех условиях премьер-министр Венгрии В. Орбан, не имея возможности и должных средств для их приема и размещения в лагерях, уже 15 июня 2015 г. первым из политиков стран-членов ЕС распорядился возвести техническое ограждение (забор высотой 4 м), способное отвести в сторону нарастающие потоки массовой нелегальной миграции. С 24 июня Венгрия отказалась от дальнейшего выполнения миграционных правил ЕС. Орбан, в свою очередь, подвергся осуждению и жесткой критике со стороны политиков Брюсселя. Они тогда еще не осознавали реальные масштабы нашествия. 15 августа 2015 г. последовало заявление канцлера Германии А. Меркель о ее готовности принять всех мигрантов. После этого даже принятые и размещенные в лагерях Венгрии мигранты отказались от дальнейшей регистрации и требовали обеспечения выезда в Германию. По имеющимся сведениям, из 159.968 беженцев, размещенных в одном из венгерских лагерей, зарегистрироваться согласились только 148.643 чел. Прибывающие впоследствии новые группы уже вообще отказывались от размещения в венгерских лагерях. В июле–сентябре 2015 г. имели место митинги и бунты в лагерях,

стычки мигрантов с полицией у вокзала «Келети»²⁸ с требованием отправить их в Германию и другие страны Европы, с более высоким уровнем социального обеспечения.

Характерно, что вслед за Венгрией другие страны ЕС (включая благополучные западные) тоже прибегли к введению разного рода препятствий перед неудержимыми потоками нелегальной миграции. Брюссель же, столкнувшись с непосильной проблемой приема и устройства громадной массы беженцев, попытался распределить их по всем странам ЕС, не считаясь с их возможностями. Такое намерение встретило сопротивление, прежде всего, со стороны «восточноевропейских» государств. Страны Висшеградской группы (Венгрия, Словакия, Чехия и Польша) в сентябре 2015 г. заявили, что не примут никакую навязываемую им систему квот и намерены общими усилиями отстаивать интересы своего региона в рамках ЕС²⁹. Это было одним из коллективных проявлений недовольства диктатом Брюсселя, но не означало отказа принять беженцев по своему усмотрению. Впрочем, впоследствии из материалов СМИ стало известно, что из одного миллиона прибывших в Германию нелегальных мигрантов, подавших прошение о поселении в этой стране, половина просьб не была удовлетворена.

В политических кругах Венгрии не без основания считают, что ввиду искусственной расчлененности венгерской нации, ее малочисленности и сложившейся демографической ситуации, учитывая высокую рождаемость, характерную для мусульманских народов, целесообразно ограничить прием этой категории беженцев. Такое решение мотивировалось также опытом Западной Европы с проявлениями исламского радикализма и терроризма, отношением иммигрантов к местным порядкам и обычаям, христианским ценностям, что также настораживало. Правда, как показала практика, большинство мигрантов старались попасть именно в Германию, Францию, Великобританию и Швецию, где могли рассчитывать на высокие социальные дотации и высокий уровень социального обеспечения. Однако Брюссель впоследствии, не считаясь

с желанием и возможностями менее развитых членов ЕС, пытался навязать им размещение значительного числа нелегальных мигрантов из мусульманского мира. Это не могло не вызвать со стороны руководства ряда стран ЕС, в том числе Венгрии, недовольство, сопротивление и неприятие такого диктата.

Для Венгрии не менее важной причиной, усиливавшей евроскептицизм, стало *отношение ЕС к России*, стремление контролировать и ограничить развитие венгеро-российских взаимовыгодных торгово-экономических связей. Попытки Будапешта стимулировать эти отношения, как известно, искусственно сдерживались руководством Евросоюза, особенно после санкций, принятых против России. Министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сийярто в одном из интервью по этому поводу справедливо подчеркивал, что «введение санкций связано не только с экономическими ограничениями, но и в целом с политикой ЕС на российском направлении». По его словам, Венгрия пыталась стать «одним из столпов перезагрузки отношений» и предупреждала, что «если Европа не выстроит диалога с Москвой на прагматической основе, то ЕС многое потеряет». Представители Венгрии в ЕС действительно неоднократно выражали свое несогласие с антироссийской политикой этого союза и поднимали вопрос о пересмотре санкций. «Мы боролись за изменение решения и его переоценку, и мы были не одни, таких стран было несколько. Но в тот день, когда надо было принимать решение, — отмечал в одном из интервью министр П. Сийярто, — мы оказались в одиночестве»³⁰. Санкции и их последствия, в конечном счете, только за последние три года обернулись для Венгрии потерей 6,5 млрд долл., включая упущенные выгоды, что является весьма чувствительным для венгерского экспорта³¹.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан (его в России считают «последовательным правым политиком, евроскептиком, противником евроинтеграции и евросоциализма»)³² во время пребывания российского президента В.В. Путина в Будапеште в начале февраля 2017 г. отмечал: «Нам при-

шлось защищать наши экономические контакты. Но то, что было бы в интересах Венгрии, ЕС заблокировал»³³. Тем не менее, упорство Орбана (на наш взгляд, решительного политика-центриста и прагматика с явными, но вряд ли до конца кардинальными евроскептическими взглядами) помогло преодолеть сопротивление евробюрократии и дать новый толчок развитию отношений Венгрии с Россией.

Успеху В. Орбана не могло помешать и обнаруженное еще в 2013 г. экспертное мнение главы бывшего непартийного временного венгерского переходного кабинета министров Г. Байнаи, который после краха политического курса коалиционного социал-либерального правительства Ф. Дюрчяня пытался в кризисных условиях 2009 г. стабилизировать положение Венгрии. В интервью журналу «Мозго Вилаг» («Мир в движении») 4 июня 2013 г., т.е. в ходе начавшейся избирательной кампании перед парламентскими выборами 2014 г., он утверждал, что Венгрия «движется к экономическому катаклизму». Одновременно было сделано заявление, согласно которому страна под руководством В. Орбана «начала свой долгий марш к выходу из Европейского союза». При этом Байнаи отметил, что «пока мы получаем оттуда деньги, Виктор Орбан не ставит своей непосредственной целью выход из ЕС, но именно в этом состоит его намерение, поскольку в рамках Евросюза нельзя стабилизировать систему, к которой он стремится»³⁴. (Следует учитывать, конечно, что о намерениях Орбана имеются и другие предположения). Байнаи рассуждал следующим образом: «Я вижу, что за шпенглеровским* призраком заката Европы скрываются очень даже прагматичные устремления. Ведь если Запад на закате, тогда наступает рассвет для системы управления восточного типа, а это оправдывало бы, мотивировало бы все то, что он делает. Я же думаю совершенно иначе. Думаю, что Запад, особенно ту его часть, которая поняла сущность кризиса, ждет успех. Европа также раскалывает-

* Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ-иррационалист, историк культуры.

ся на две части: одна часть — Германия и страны севернее от нее — в условиях кризиса демонстрирует беспримерные показатели развития. Северная часть основывается на экономике знаний, но вторая, южная, отстает. Для нашей группы стран (центральноевропейской. — *Б.Ж.*) имеется выбор, но решение придется принимать нам самим. У нас есть возможность зацепиться багром за северный корабль на базе экономики знаний и тогда мы сможем подняться. Если же венгерская экономика обернется к Востоку, то необходимо считаться с последствиями, с восточным уровнем жизни»³⁵.

Характерно, что при этом сам Байнаи, являясь оппонентом Орбана (политика, готового к сотрудничеству с Востоком), явно предпочел отгородиться от уже потерявших доверие избирателей либералов, свернувших свою деятельность. Он заявил, что отнюдь не собирается возрождать Союз свободных демократов или иную либеральную партию.

Глава действующего венгерского правительства В. Орбан, пользующийся, как известно, поддержкой российского лидера, сумел вывести российско-венгерское экономическое сотрудничество на новые обороты развития.

В заключение следует выразить свое авторское убеждение в том, что с устранением основных причин евроскептицизма, проведением назревших структурных реформ в Евросоюзе в соответствии с реальными потребностями и интересами стран-членов (включая возможности развития торгово-экономических партнерских отношений с Россией) вероятность того, что Венгрия останется в ЕС, очень высока. Евросоюз сохранит свой статус, как и положение одного из ведущих игроков в мире, но неизбежно изменится. Правда, только избавившись от брюссельского высокомерия и наднационального диктата (метко названного В. Орбаном попыткой «большевизации» управления) можно рассчитывать на возрождение и сохранение этого союза, у которого, несмотря на кризисные явления 2016 г., имеются, на наш взгляд, не только запасы прочности, но и большой экономический потенциал развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Tamás P.* Társadalmi konfliktusok és európai kommunikációs stratégiák // Európai Politikai Évkönyv. 1995–1996 (далее — EUPÉ). Вр., 1996. 113. old.
- ² *Németh L.* Magyarország és Európa // Magyarország és Európa. Budapest, 1993. 1. sz. 12–13. old.
- ³ *Török Á., Zsarnay J.* Az EU struktúrapolitikája, versenyszabályozása és a recesszió várható iparpolitikai hatásai // EPÉ. 238. old.
- ⁴ Независимая газета. 2001. 29 апреля.
- ⁵ Аргументы и факты. 2016. № 37. С.23.
- ⁶ Там же. 2016. № 52. С.7.
- ⁷ Там же. С. 5.
- ⁸ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. М.; СПб., 2015. С. 144.
- ⁹ *Balog A.* Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность // Центрально-европейский ежегодник 2003 (далее — ЦЕЕ 2003). М, 2003. С. 228.
- ¹⁰ Вопросы, вопросы... Правительство Венгерской Республики 1994–1995. Будапешт, 1995. С. 270.
- ¹¹ Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 года. М., 2005.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ *Pozsgay I., Polgár T.* A rendszerváltás (k)ára. Вр., 2003. 23–24. old.
- ¹⁶ *Bihari M.* Magyar politika 1944–2004. Вр., 2005. 480. old.
- ¹⁷ Ibidem. 481. old.
- ¹⁸ *Чаба Л.* В преддверии вступления в ЕС: какого рода ЕС нам нужен? // ЦЕЕ 2003. С. 84.
- ¹⁹ *Pozsgay Imre.* Felszólalása // Magyar jövőkép. Egy minőségi magyar paradigma. Székesfehérvár, 1996. 41. old.
- ²⁰ Коммерсантъ. 2017. № 12. 24 января. С. 6.
- ²¹ *Pozsgay I.* Op. cit. 41. old.
- ²² *Inotai A.* Magyarország EU-tagságának kritériumrendszere // EUPÉ, 33. old.
- ²³ *Varga G.* Magyarország mezőgazdasága az Európai Unió kapujában // EUPÉ., 144. old.
- ²⁴ Вопросы, вопросы... С. 272.
- ²⁵ *Sebestyén I.* Magyar euroszepticismus // Magyar jövőkép. Egy minőségi magyar paradigma. Székesfehérvár, 1996. 130. old.
- ²⁶ Ibid. 131. old.
- ²⁷ *Tamás P.* Op. cit., 107–108. old.
- ²⁸ МТІ. 2015. augusztus 30.
- ²⁹ *Шишелина Л.Н.* Россия и Центральная Европа в условиях глобализации // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях . М., 2006. С. 68.
- ³⁰ Коммерсантъ. 2017. № 12. 24 января. С. 6.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Независимая газета. 2017. № 22–23. 3 февраля. С. 4. Газета на первой странице обозначила поездку Путина в Венгрию под рубрикой «Визит в Венгрию как сигнал для евроскептиков».
- ³³ Российская газета. 2017. № 24. 3 февраля. С. 2.
- ³⁴ *Bajnai Gordon* a fapados szalonban. «Vesztes stratégiát nem építék, az magától megvan» // Mozgó Világ, 2013. 7–8. sz., 25. old.
- ³⁵ Ibid. 39–40. old.